

*Александр
Тамоников*

СМЕРТЬ ПОД УРОВНЕМ МОРЯ

*Москва
2018*

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Смерть под уровнем моря / Александр Тамоников. —
Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. — (СМЕРШ — спецназ
Сталина).

ISBN 978-5-04-091605-4

1944 год. Крым. Отступающие фашисты спешно готовят к вывозу в Германию уникальную коллекцию живописи, хранящуюся в местном музее. Спасти шедевры поручено партизанам во главе с капитаном СМЕРШ Вадимом Сиротиным. Им удастся выяснить, что бесценный груз находится на борту подводной лодки, которая стоит в хорошо охраняемом доке. Группой проникнуть туда невозможно. Тогда Сиротин решает в одиночку пробраться на объект и вывести из строя немецкую субмарину. Капитан понимает, что идет на верную смерть. Но в последний момент к нему приходит необычная помощь...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091605-4

© Тамоников А., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2018

ГЛАВА 1

5 ноября 1941 года, Ялта

Ветер гнал по Корабельной улице обрывки газет, картонные коробки, рваную мешковину. Хлопали незакрепленные ставни и створки ворот, гнулись облетевшие деревья. Солнце встало несколько часов назад, но не могло протиснуться сквозь плотную облачность. Ветер усиливался, переходил в порывистый. Иногда с серого неба начинал сыпать мелкий дождь, но быстро уставал и прекращался. Температура составляла чуть выше ноля. В последние сутки заметно похолодало.

Рокотала отдаленная канонада. Улица на восточной окраине крымской жемчужины словно съежилась. Небольшие дома жались в кучку, ждали чего-то страшного. Живых существ с улицы выдуло, не считая пары собак с поджатыми хвостами. Они ковырялись в мусоре, пугливо косили по сторонам.

По переулку, пересекающему Корабельную, с ревом пронеслась разболтанная полуторка. В кузове ругались люди. Стих посаженный двигатель. Звякнула калитка в воротах, выпустила нескольких человек.

Двое мужчин несли набитые чемоданы, тяжелые вещевые мешки. Женщина в платочке вела за руки двух маленьких детей. Они спотыкались, хныкали. Кучка людей растворилась в том же переулке.

В санатории «Пограничник», венчающем живописный холм, тоже не замечалось никаких признаков жизни. Тоскливо чернели оконные проемы. В них не осталось даже штор — все вывезли.

Глухо зарокотали земные недра. Послышались раскаты, похожие на гром небесный. Минеры подняли на воздух городскую электростанцию, чтобы не досталась врагу. Водопровод подорвать они не успели, облегчили жизнь оккупантам на ближайшие годы. Испуганно заскулили собаки, рвавшие мешок с мусором, прыжками помчались под ближайшую ограду.

За всем этим хмуро наблюдала величественная гора Ай-Петри. Она висела над Ялтой как дамоклов меч.

В середине октября немецкие войска провали укрепления у села Ишунь, прошли Перекоп и вторглись в степной Крым. Потрепанные части 51-й армии отходили с боями, цеплялись за каждый клочок земли. Танковые колонны вермахта буквально разрезали позиции защитников Крыма. Разрозненные части отступали в Севастополь, в Керчь, рассеивались по горам, где превращались в партизанские отряды.

Остановить напор военной машины Германии было невозможно. Пали Джанкой, Сим-

ферополь, Бахчисарай. Обескровленные советские войска шли через Ялту на Севастополь, где спешно создавался новый укрепрайон.

Одно из таких подразделений появилось в конце Корабельной улицы. Усталые солдаты брели, не соблюдая строй. Формально — батальон, фактически — меньше роты. Почерневшие, небритые красноармейцы в касках и пилотках тащили на плечах трехлинейки, катили за собой станковые «максимы». Многие были перевязаны. Засохшая кровь пропитала бинты.

Сбоку, прихрамывая, шел командир. Из-под ворота засаленного бушлата выглядывали знаки различия, три кубаря старшего лейтенанта. Он исподлобья смотрел на окна домов.

Кое-где еще теплилась жизнь, за шторами мелькали силуэты. Но никто не выходил на улицу, не провожал родную Красную армию. В городе осталось не больше половины жителей. Да и солдаты прекрасно понимали, что назад вернуться не скоро, опускали глаза, смотрели себе под ноги. Лишь иногда, когда разгоралась канонада на севере, они вздрагивали, оборачивались.

Подразделение свернуло на улицу Кирова и растворилось в пасмурной дымке. К набережной солдаты не спускались, шли по холму.

Два трехтонных грузовика вышли из ворот Массандровского винодельческого завода, свернули в узкий переулок, стали спускаться к морю. Они вывозили последние партии дорогих кол-

лекционных вин. Все самое ценное было уже отправлено в Тбилиси и в Куйбышев. Сегодня утром на предприятии были взорваны глубокие подвалы, где хранились знаменитые напитки, расстреляны винные бочки. Приказ командования был неумолим. Не оставлять врагу ни капли крымского вина!

Грузовики выехали на соседнюю улицу, где было оживленно. Люди в форме НКВД выносили опечатанные ящики из хранилищ Госбанка, грузили в кузова. Во дворе горели стопки макулатуры.

Схожая ситуация наблюдалась у горкома партии и исполкома совета народных депутатов. Там тоже стояли машины с откинутыми бортами. Грузчики в форме трудились не покладая рук.

В стороне плакали какие-то женщины. Они с тоской смотрели на то, что происходило вокруг.

Через несколько минут грузовики вошли на территорию порта. Над ней висел разноголосый гул, рев моторов.

Море штормило. Волны разбивались о мол, тянувшийся в восточной части гавани, к причалам доходили в урезанном виде. Но даже там они облизывали бетонные парапеты и сваи, накатывались на прибрежные камни.

Канонада нарастала, становилась объемной, уже не звучала просто фоном. По набережной на юго-запад тоже брели солдаты.

— Куда вы уходите? — кричали из толпы. — На кого нас бросаете? Опомнитесь!

Солдаты опускали головы. Никто не поворачивал. Потрепанные роты двигались по набережной, втягивались в горы.

Полным ходом шла эвакуация населения и раненых. Многочисленные санатории и пансионаты с началом войны были приспособлены под лазареты. Эвакуировать людей по суше было нереально — куда? Немцы перерезали все артерии.

На пристани творилось что-то непотребное. Давились люди, машины. Надрывали глотки солдаты войск НКВД, трясли карабинами, сдерживая толпу. У причала стояли несколько военных катеров, баржа с пробоиной в борту. Солдаты теснили людей, создавали коридоры, по которым санитары доставляли раненых к трапам.

Здесь собрались не меньше десяти тысяч человек. Все они хотели покинуть Ялту.

У причала загружался пассажирско-грузовой теплоход «Ливадия», внушительное судно водоизмещением почти шесть тысяч тонн, длиной больше ста метров. На него лезли люди, штурмовали трап, ругались с охраной. Многие теряли чемоданы. Те летели в воду, падали на камни. Плакали женщины и дети.

— Граждане, не давиться! — орал в рупор простуженный голос. — Соблюдайте дисциплину и порядок! Паникеры и бузотеры будут расстреливаться! Не давить, всем отойти!

Солдаты стреляли в воздух, чтобы сдерживать толпу. Матерщина стояла отборная. Сотрудникам НКВД удалось потеснить народ. Грузчики вносили на борт ящики, привезенные с винодельческого завода.

— Вы только полюбуйтесь! — заорала какая-то баба.— Вино им дороже людей! Мы пусть пропадаем, а бутылки надо вывезти!

Народ роптал, но на штыки не бросался.

По палубам метались члены команды, распределяли беженцев и раненых. Людей не считали, рисковали перегрузить судно. «Ливадия» уже просела ниже ватерлинии.

— Мы вам что, резиновые?! — выкрикнул капитан в лицо офицеру с петлицами НКВД.

Других пассажирских судов сегодня не было. В конторе порта разрывались телефоны, бранились люди.

Население Ялты в эти непростые дни разделилось пополам. Одним надо было срочно уезжать. Не важно, куда именно, лишь бы подальше от фашистов. Другие решительно отказывались покинуть свои жилища, не видели особых различий между словами «эвакуация» и «оккупация».

Вслух об этом не говорили, но наверняка размышляли. Мол, посмотрим. Вдруг хрен окажется слаще редьки? Ведь не черти же с рогами и копытами сюда придут.

У старшего поколения еще свежи были в памяти бесчинства, вытворяемые подручными

Бела Куна. Этот пламенный революционер с карающим мечом шел по Крыму, изводил под корень все, что, по его мнению, могло дать контрреволюционные всходы. Он приказывал без всякой пощады уничтожать всех потенциальных беляков — учителей, врачей, грамотных инженеров.

Солдаты снова теснили толпу. Сотрудники Всесоюзного института табака и махорки вносили на борт свои архивы и самое ценное оборудование.

Уезжали руководящие кадры. Подошли легкобушки из горкома, выгружались члены семейств партийных вожаков. Для них были забронированы отдельные каюты.

В восточной части гавани вздымался зловонный дым над насыпным молотом. Грузовики привозили сюда продукты из санаториев — мешки с солью, сахаром, крупы, мясные и рыбные изделия. Охрана сваливала все это в кучу, обливала бензином, поджигала и следила, чтобы народ не лез в огонь.

Люди толпились в отдалении, мрачно наблюдали за этой дивной картиной. Должностное лицо, отдавшее столь мудрый приказ, явно не ладило с головой. Население Ялты недоедало, многие семьи голодали, а тут при всем народе уничтожались десятки тонн съестного!

Отчаянные пацаны среднего школьного возраста подползали к молу с восточной стороны, прятались за камнями, пользуясь дымовой заве-

сой. Рискую получить пулю, они вытягивали из кучи тлеющие мешки, сбрасывали их на отмель с обрыва.

Юркий счастливец скинул три десятикилограммовые банки с томатной пастой и улепетывал с ними по узкой полосе прибоя. Две он держал под мышками, третью катил ногами, прямо как футбольный мяч.

А над холмами разгоралось новое зарево. Занимались огнем продуктовые Мордвиновские склады, с которых тоже не все было вывезено.

В акватории порта стояли сторожевые катера с зенитными орудиями. Они охраняли это вот мероприятие.

Погрузка на «Ливадию» продолжалась. Ажиотаж постепенно стихал. Те счастливики, которым удалось забраться на борт, старались устроиться поудобнее.

На нижней палубе стонали раненые. Вокруг них сутились люди в белых халатах.

— Люди добрые, неужели мы Крым отдаем? Как же так? — проговорил офицер, раненный в голову. — Какого хрена, граждане-товарищи?..

Застыл в тревожном ожидании городок Элидия, прижавшийся с запада к Ялте. Местечко весьма живописное. Террасы, поросшие кипарисами, плавно съезжали к морю. Между крон пестрели крыши жилых домов и санаториев.

Городок состоял из двух частей — жилой и исторической, имеющей непосредственное

отношение к всемирному культурному наследию. Здесь располагались старинные дворцы, несколько музеев, обширное садово-парковое хозяйство, не имеющее аналогов в Советском Союзе. В мирное время сюда наплывали туристы, круглогодично проводились экскурсии. Во дворцах проходили выставки, всевозможные торжества, международные симпозиумы. Здесь любили отдыхать партийные и хозяйственные деятели всех рангов, включая высшие эшелоны. В летнее время это местечко мало отличалось от рая — в представлении, разумеется, недалеких и отсталых слоев населения.

Подразделение под командой хромающего старшего лейтенанта уже входило в Элидию. Колонна растянулась. Усталость гнула людей к земле, но теперь они оживлялись, с немалым интересом глазели по сторонам.

Да, здесь было на что посмотреть. За кипарисами на фоне моря пряталась бывшая императорская резиденция — Таврический замок. Он был построен в начале девятнадцатого века французским архитектором Бушаром. Струились изящные фасады, высились колонны. Это чудо архитектуры окружали газоны и пальмы.

За решетчатой оградой возвышалась красивейшая церковь во имя Усекновения главы Иоанна Предтечи. Вотличие от многих других церквей Советского Союза она работала. Это здание тоже считалось шедевром мирового зодчества. Такое не стыдно показать даже искушенным

иностранцам. Церковь и ныне смотрелась величаво. Но парк вокруг нее приходил в упадок. Кусты давно не постригались, на неухоженных газонах желтела облетевшая листва.

Дорога змеилась с террасы на террасу. Здесь даже жилые дома были опрятнее, чем в Ялте. Они наглядно демонстрировали иностранным туристам, насколько хорошо живут люди в Советском Союзе. Здания гармонично вписывались в местность, даже многоквартирные. За резными оградами возвышались раскидистые грецкие орехи, персиковые деревья, вездесущая южная дичка — самый примитивный сорт абрикосов.

— Братцы, неужто эту красоту немцу отдадим? — в сердцах проговорил щетинистый боец в засаленной фуфайке. — Да где это видано, братцы? Трудовой народ всю эту красоту строил, ночами не спал в непосильном труде, а мы — немцу? Берите, дескать, господа хорошие, нам не жалко, у нас еще есть?

— Не тяни жилы, Пашка, без тебя тошно, — огрызнулся боец, шагавший рядом с ним. — Ладно, отдадим, но ненадолго, пусть подавятся. Скоро обратно заберем.

— Отставить разговорчики! — прорычал офицер. — Люлин, Кочубеев, вы чего плететесь как две сопли по асфальту? Шире шаг!

— Надо же, какой!.. — проворчал Пашка. — Поговорить нельзя. Может, нам последний день и остался, чтобы языком потрепать.

На перекресток с улицей Весенней выходили люди из окрестных домов, угрюмо поглядывали на изнуренных солдат. Те прятали глаза, отворачивались.

— Слышь, командир, долго вы драпать еще будете? — спросил тощий парень в пиджаке и шарфе, обмотанном вокруг горла.

— Не твое дело, — огрызнулся офицер. — Сколько прикажут, столько и будем.

— Так за Севастополем-то нет ни черта! — крикнул кто-то из местных жителей. — Там одно море. Или вы по нему аки посуху?

Люди невесело усмехались.

— Граждане, все в порядке! — объявил второй офицер, совсем молоденький, который шел вместе с солдатами. — Никто никуда не драпает. Дойдем до Севастополя, как было приказано, там перегруппируемся и со свежими подкреплениями погоним немца обратно. Ждите нас через пару дней!

Командир вознамерился что-то сказать, но промолчал, лишь неласково покосился на своего заместителя. В отличие от своих подчиненных он владел обстановкой, знал, что все не просто плохо, а совсем погано. Но голос молодого офицера звучал убедительно, доходчиво, внушал людям веру.

Горожане молчали, провожали глазами солдат.

— Дай-то господь, — сказала дряхлая старушка, перекрестилась и добавила: — Хотя вы и безбожники окаянные.